

ПЕРСПЕКТИВА

Зрители на обочине

Ими могут оказаться Европа и Россия, если новый суперконтинент Евразия довершит и зацементирует становление Китая в качестве мировой державы. Можно ли не остаться в проигрыше от масштабной трансформации? Об этом журналист **Катя Глогер**.

Катя Глогер

Хоргос, местечко в Центральной Азии. Бедная растительностью степь. Летом невыносимый зной, зимой зубы стучат от сорокоградусной стужи. Еще несколько лет назад здесь был только небольшой пост на границе между Китаем и Казахстаном. Неподдалеку расположен «Евразийский полюс недоступности», удаленный от океана более чем, пожалуй, любая другая точка суши. Однако теперь Хоргос должен превратиться в один из узловых пунктов в центре Евразийского континента: инвестиции составят до \$600 млн, здесь появится «крупнейший сухопутный порт в мире», гигантский логистический центр с железнодорожным терминалом, промышленной зоной и зоной беспошлинной торговли. Уже поговаривают о «втором Дубае». В ближайшее десятилетие население Хоргоса должно возрасти до 100 000 человек, а новый казахский город — стать «воротами на Восток».

Похоже, для жителей Хоргоса наступают многообещающие времена, равно как и для всей Азии. В регионе живут миллиарды людей, которые хотят прежде всего одного: роста благосостояния для себя и своих детей. Выходит, это они выигрывают от глобализации?

Для Китая Хоргос — это всего лишь одна из множества перевалочных станций в рамках крупнейшего инфраструктурного проекта всех времен: *Belt and Road Initiative* («Инициатива пояс и дорога», BRI). На «проект века», как его называет глава государства и партии Си Цзиньпин, планируется потратить до одного триллиона долларов. В BRI с ее новыми шелковыми путями одни видят инструмент будущего, другие — оружие в борьбе за мировое господство, мегапроект, призванный обеспечить глобальную поддержку китайской экономической и властной модели, являющей собой столь привлекательное для многих авторитарных режимов сочетание госкапитализма и репрессивной политики.

В Хоргосе инвестиции в «сухопутный порт», который должен стать самым большим в мире, осуществляется государственная китайская судостроительная компания COSCO. Здесь планируется осуществлять перегрузку контейнеров не с судна на судно, а с вагона на вагон. Поезда смогут перевозить, среди прочего, вина и свежие продукты из Европы для состоятельных китайцев. Впрочем, вопрос об окупаемости инвестиций остается открытым. Наземное сообщение с КНР через территорию Казахстана позволит вдвое сократить сроки транспортировки. Но вместе с тем доставка контейнеров суши обойдется в 10 раз дороже, чем морем. Впрочем, большинство китайских товаров идут не в Европу, а в Узбекистан или Иран. И Хоргос — это только

Железнодорожный хаб «шелковых путей» у границы с Китаем: казахи называют Хоргос «самым большим сухим портом в мире» и «новым Дубаем»

Глубоководный порт «Анаклия» в Грузии — тоже китайский проект

щаются на свои прежние места в мировом порядке. Но мы имеем дело отнюдь не с младенческим, а, напротив, со старым миром, который сегодня возрождается. И Запад рискует постепенно лишиться значения». В конце XIX века немецкий географ Фердинанд фон Рихтхофен, совершавший дальние исследовательские поездки по Китаю, ввел термин «Великий шелковый путь» применительно к той сети, которая связывала Древний Китай с миром. «Шелковые пути» современного Китая тоже опутывают весь мир. Они сулят «взаимовыгодные» (*Win-Win*) проекты в интересах всех участников, но только на условиях Пекина. Пути эти простираются до Африки, но включают в том числе и стратегические инвестиции в Европе, такие как порт в Пирее и целый контейнерный терминал в Антверпене. Пакистану предлагается роль транспортного коридора к Индийскому океану, еще один мар-

«бренд» в Центральной Азии и странах Кавказа: он планировал строить в Грузии гламурные казино при финансировании со стороны в том числе и достаточно спорной *Silk Road Group*. Этот человек — Дональд Дж. Трамп.

Грузия тоже надеется, что новые шелковые пути положат конец ее зависимости от России. Пока Владимир Путин превращает аннексированный им Крым в хорошо вооруженную крепость, в грузинском городе Анаклия началось строительство глубоководного порта, который должен стать самым большим на всем черноморском побережье. Проект финансируется, среди прочего, за счет кредитов Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) — международной финансовой организацией под эгидой Китая. Тем самым Грузия хочет закрепиться в роли кавказского торгового моста между Европой и Азией, в том числе и для грузопотоков в Турцию и Иран.

Так формируется Евразия, гигантская территория, на долю которой приходится больше трети всей суши. А некоторые определения относят к ней даже Индо-Тихоокеанский регион от Индии до Японии.

Евразия как новый суперконтинент: родной дом для пяти миллиардов людей, территория, где производится 70% валового мирового продукта (ВВП). Евразия как хранилище глобальных сырьевых ресурсов: нефть и газ, дерево, редкоземельные металлы и сельскохозяйственные угодья.

Именно в Евразии, убежден Самир Саран, президент исследовательского центра *Observer Research Foundation* (ORF), пока что недооцененного в Европе, решается судьба демократического мира. Либо либеральный мир решительно и сплоченно выступит против пекинского стремления к доминированию, либо *Pax Sinica*, «китайский мир», расцветет буйным цветом, отменяет он. Ведь на кону ни много ни мало правила игры для постзападного мира XXI века.

В России тоже считают, что миропорядок, в котором доминируют США, обречен. Апологет российской геополитики Сергей Караганов указывает, что опасные времена с «высоким риском войны» уже наступили. США предприняли последнюю, отчаянную попытку выиграть глобальную битву за этот новый мировой порядок; стратегия *America First*

означает не уход с мировой арены, а его противоположность: «США — это ревизионистская держава!» Но ни Россия, ни Китай не будут «младшими партнерами США». Будущее России должно лежать в «большой Евразии».

Российская властная элита не желает, чтобы страна превратилась исключительно в транспортный коридор или, тем более, оказалась отрезанной от новых шелковых путей, которые ведут из Китая через Центральную Азию и Каспийское море на Запад и Юг. Да, символически важный проект организации высокоскоростной железнодорожной магистрали между Москвой и столицей Татарстана Казанью, финансирование и эксплуатацию которой планировались осуществлять силами китайских компаний, был отклонен. Но вместе с тем недавно Владимир Путин объявил развитие инфраструктуры стратегической целью экономической политики страны.

И тем не менее Россия при всей кажущейся мощи по итогам масштабной трансформации может оказаться в проигрыше и получить роль «великой державы второго класса». Экономически и технологически Россия сползает в стагнацию. Западные санкции ускоряют данный процесс: в 2018 году иностранные прямые инвестиции в Россию составили «целью» \$15 млрд, или четверть от показателей 2008 года.

Вероятно, скорее под гнетом необходимости, чем в силу убеждения российский руководитель ищет сотрудничества с Китаем. Исторически обусловленное недоверие никуда не уходит, память о военном конфликте между КНР и СССР на пограничной реке Уссури в 1969 году жива. Также сохраняется беспокойство растущим влиянием Китая на востоке Сибири и хищнической добычей ресурсов — даже если российская экономика вследствие кризиса лишилась былой привлекательности для китайских рабочих. И тем не менее в стратегических областях происходит сближение двух держав, разделяющих любовь к авторитарному стилю управления. Как говорят, Путин восхищается экономической политикой Си Цзиньпина и его неустойчивостью в отношениях с США. Си, в свою очередь, ценит военный патриотизм Путина, посредством которого последний защищает Россию от влияния Запада.

В 2017 году в учебных маневрах на Балтике вместе с российскими принимали участие китайские военные корабли. А год спустя к масштабным российским маневрам «Восток-2018» впервые подключились китайские военнослужащие в количестве как-никак 3200 человек.

Россия еще продолжает экспортировать в Китай военную технику, включая самолеты Су-35 и системы ПВО С-400. Китайские кредиты — пусть даже под беспощадно капиталистические, рекордные проценты — помогли российским (рос)компаниям и олигархам, в том числе из путинского окружения, удержаться на плаву после финансового кризиса 2008 года и в период после 2014 года. Посредством газопровода «Сила Сибири» российский «Газпром» гарантирует себе возможность в ближайшие 30 лет поставлять китайцам природный газ на общую сумму в \$400 млрд — прав-

75% российского экспорта в Китай приходится на сырье, 80% китайского — на потребительские товары

да, вероятно, по минимальным тарифам. Ведь верно и другое: российско-китайские экономические отношения больше напоминают колониальные торговые отношения XIX века. 75% российского экспорта в Китай приходится на сырье, 80% китайского экспорта в Россию — на потребительские товары, электронные и промышленные товары.

Тем не менее ни Европе, ни Вашингтону не стоит недооценивать возможные последствия такого сближения. Руководство в Пекине демонстрирует лояльность, уважает российские интересы в бывших советских республиках Центральной Азии, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организацию договора коллективной безопасности (ОДКБ). В Казахстане, Киргизии и Таджикистане есть российские военные базы. Тем самым Москва остается «региональным полицейским», чья миссия заключается в предотвращении «цветных революций», борьбе с исламским экстремизмом и сохранении авторитарно-диктаторских режимов.

США и Европа никак не могут найти ответ на евразийский вызов

и определиться со своим местом в этом новом, азиатском столетии. При этом выработать общий ответ, достичь хотя бы минимального уровня единодушия важно. Третья часть в трансатлантическом сообществе, как заявил Генри Киссинджер в интервью газете *Financial Times*, рано или поздно обернется превращением Европы в «придаток Евразии» и необходимостью все больше ориентироваться на Китай. Однако при этом президент США в меру сил способствует расколу ЕС, называет НАТО отжившей организацией и ведет собственную торговую войну против Китая.

В прошлом году госсекретарь Майк Помпео заверял, что в США осознают стратегическое значение Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). На новые инициативы будет выделено \$113 млн (сумма, сопоставимая с побочными доходами Ивонки Трамп и ее супруга Джареда Кушнера за 2017 год). А военное присутствие США в «свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе» служит прежде всего обеспечению свободного судоходства в Китае и из Китая, жизненно важного в том числе и для европейцев. На «континентальной» территории новых шелковых путей роль США сводится к минимуму.

ЕС пытается осваивать евразийское пространство посредством «стратегии коннективности», универсальной интеграции евразийской территории. Так, в конце 2018 года была разработана «стратегия связанности Европы и Азии». А в текущем году наконец должна быть принята еврозоновская «Стратегия по Центральной Азии». В Центрально-Азиатском регионе ЕС хочет позиционировать себя как основного партнера в сфере устойчивого регионального развития, ориентированного на экологичность и справедливость, опирающегося на фундамент западных базовых ценностей. Он хочет обеспечить доступ к водным ресурсам, строить ЛЭП и ветровые электростанции, поставлять цифровую инфраструктуру, а также поддерживать гражданское общество, школьное образование для девочек, студенческий обмен и становление правового государства. На эти цели Еврокомиссия и государства-члены ЕС выделят €1 млрд евро и станут «главным донором в регионе».

По официальным данным, Китай за последние пять лет инвестировал только в экономику центральноазиатских государств свыше \$300 млрд. Правда, минусы такой ситуации очевидны. Это и стратегическая зависимость от Китая в сфере экспорта сырья — так, туркменский газ сегодня поставляется практически исключительно в КНР. Это и «долговые ловушки», обусловленные большими китайскими кредитами на реализацию бессмысленных имиджевых проектов, которые будет трудно возвращать. В государствах с авторитарным режимом двери для коррупции и неоптизм широко распахнуты. Наконец, это и локальные протесты: фермеры боятся распродажи сельскохозяйственных земель китайцам. Ведь, как говорят казахи, «если придут китайцы, наступит конец света». Но растущая активность Китая в сердце Евразии — «это долгосрочный проект и поворотный момент в развитии центральноазиатских государств», убеждена Марлен

На Востоке неудержимо формируется новейший порядок — географический, политический, экономический

одина из множества новых шелковых путей. Не больше, но и не меньше.

Предстоящие изменения по своему драматизму можно уподобить тектоническим деформациям. США как минимум на время прощаются с ведущей ролью бенефициара и хранителя либерального миропорядка; Европа, подверженный эрозии Евросоюз, отчаянно борется за единство, а Германия, до сих пор входящая в число крупнейших торговых держав мира, занимается преимущественно политическим самолюбованием. Тем временем на Востоке неудержимо формируется новый порядок — географический, политический, экономический.

Речь идет прежде всего о контроле над ресурсами и торговыми путями, инфраструктурой и средствами коммуникации. «В XXI веке истинное значение обретут в первую очередь те страны, через которые будут пролегать шелковые пути», — пишет британский историк Питер Франкопан в своей книге «Новый шелковый путь». И далее: «Запад заснул за штурвалом, но хочет восстановить „нормальное положение“: дескать, пусть парвеню возвра-

шат шелкового пути должен пролесть даже через ЮАР. Также есть планы обустройства шелкового пути в Арктике: частью его может стать планируемый проект поставок СПГ с Аляски в Китай стоимостью \$43 млрд, несмотря на торговую войну президента Трампа.

Цифровые шелковые пути должны сконцентрировать глобальные цифровые потоки, пути коммуникации — в идеале иметь маркировку *made in China*, начиная с железа и заканчивая алгоритмами. А с помощью медийной программы *Belt and Road News Alliance* («Новостной альянс пояс и дорога») предполагается сформировать новый мировой порядок информации и пропаганды — под водительством Компартии Китая.

Шелковые пути позволяют осваивать регионы, которым долго не уделялось внимания. Это и Кавказ, расположенный всего в трех часах полета от Франкфурта-на-Майне, и все пять государств Центральной Азии, в прошлом — бедные, субсидируемые Москвой задворки Советского Союза.

К слову, есть человек, который еще 12 лет назад запатентовал свой